Содержание

Это плохо, п'нятненько? 3

РАССКАЗЫ

Догоняй! 11
Америка 16
Господин Элефант 52
Гран-Гиньоль 105
Пенелопа 156
Алая печать 203
Яко тает дым 251
Кровавые мальчики 318
Змей 367

ОТБЛЕСК ТЫСЯЧИ СОЛНЦ 401

Благодарности 599
Об авторе 601

Это плохо, п'нятненько?

Когда я был совсем маленький, я, слава богу, не читал и не смотрел эти ваши жестокие боевики и ужастики. Я рос в интеллигентной семье с мамой, бабушкой и дядей, на хороших и добрых книжках. Волков, Носов, Драгунский, Туве Янссон, Астрид Линдгрен, Михаэль Энде...

Правда, у бабушки Астрид в некоторых сказках попадались такие персонажи, как древняя драконша, чье огненное дыхание могло убить или парализовать человека, рыцарь с железным когтем вместо правой руки (я видел его лицо, и это было лицо сэра Кристофера Ли), который вырывал у детей живые трепещущие сердца и заменял их холодным камнем, и свирепые крылатые красавицы с острыми когтями. «Хо-хо-хо! Сейчас прольется кровушка!» Бр-р. Безобидный мультик, включенный бабушкой, вполне мог оказаться «Босоногим Гэном». Уютный мирок муми-троллей заливался порой багряным сиянием кометы, несущей гибель всему живому, а средь солнечного дня могла нагрянуть зловещая Морра, неся с собою холод неотвратимой зимы. Неописуемое Ничто пожирало Фантазию и ее обитателей; подкрадывался из тьмы скользкий кровожадный Голлум; Людоед точил нож на глазах у беспомощной Элли, смеясь над ее слезами и мольбами; и милая Настенька, нахлобучив бадью на голову Иванушке-хвастунишке, обнаруживала под нею рычащую медвежью морду...

И, конечно, была темнота. И незнакомые дяди и тети, которым ни в коем случае нельзя открывать дверь. И газеты в стопках макулатуры, из которых я узнал, что могут сделать эти дяди и тети, если все-таки им откроешь. Во всех красочных подробностях. На дворе были святые девяностые, хе-хе.

Если вы ребенок, от ужаса вам никуда не деться. Он сквознячком просочится в любую щель, и вы ощутите на затылке его стылое дыхание. И чем больше заботливые папы-мамы-бабушки вас оберегают, тем страшнее жить. Мне вспоминаются марсиане из «Войны миров», у себя на Марсе не знавшие никаких болезней, так что обычный насморк выкосил их не хуже бубонной чумы.

Мы, рожденные в СССР, — те же дети и те же марсиане (с красной планеты, ага). Никакого иммунитета. На японской «Легенде о динозавре» ржали даже японцы, не говоря уж о избалованных «Чужими» и «Челюстями» янки; наши же юные зрители тоскливо прикидывали, дотянется ли проклятый ящер до шестого этажа родной панельки, а зрителей постарше, говорят, и на скорой иногда увозили.

В общем, я бы посоветовал родителям, которые действительно хотят вырастить нового Стивена Кинга или Уэса Крейвена, всячески оберегать свое дитя от всяких там ужастиков, как от чумы. Тогда его восприятие страшного будет гораздо острее и как автор ужасов он будет гораздо круче.

(Внимание: посоветовал БЫ. Но не стану. Потому как среди моих коллег полно тех, кто на сэкономленные в столовке деньги бегал на ужастики в видеосалоны или даже смотрел их по видаку с родителями. И эти ребята крутые. Очень. Многие так и покруче меня, кроме шуток.)

Сквознячок стал ураганом, когда я учился во втором классе. Как и все нормальные мальчишки, я тогда увлекался динозаврами (да ладно, кого я обманываю? Я был настоящим диноманьяком), так что мама однажды взяла и отвела меня на фильм про динозавров в наш старый кинотеатр «Октябрь». Там такой симпатичный динозаврик красовался на афише... Ничто не предвещало беды.

Нет, это был не «Парк Юрского периода», хотя мне и «Парка» тогда хватило бы. Фильм назывался «Карнозавр-2». В одной из сцен динозавр сперва вырывает вопящей девушке руку из плеча, а потом, помахав ею перед лицом несчастной, выдирает из живота потроха, пока она бьется в агонии, захлебываясь кровью.

Мама примерно к середине фильма впала в ступор, какой, наверное, может охватить родителя, обнаружившего, что вместо песочницы привел ребенка на минное поле. Я сжался в комочек, проклиная себя, дурака, за мечту увидеть воскрешенных учеными динозавров на улицах родного города. Помню, после сеанса мы еще заходили в гости, засиделись до темноты и домой шлепали пехом. И я чуть шею не свернул, без конца оглядываясь, ожидая в любой момент услышать громовые шаги за спиной.

А уже через пару дней я доставал маму просьбами сходить еще раз. И мы сходили еще на первого «Карнозавра». И на третьего. И на «Легенду о динозавре». А потом были книги — Стайн, Кинг, Маккаммон, Баркер, Лаймон... Не говоря уже об Уэллсе, Гансовском и Конан Дойле, опрометчиво разрешенных к употреблению даже в детских учреждениях.

Потому что страшное — оно притягивает. Как до встречи с карнозаврами притягивали меня

драконша Катла из сказки Линдгрен и ледяная Морра у Янссон. Как притягивали обложки видеокассет с ужастиками в киоске на троллейбусной остановке. У нас не было видака, а телик был черно-белый. Так что я просто разглядывал жуткие рожи в витрине и пытался представить, какие ужасы они там творят. Скажем так... Посмотрев спустя годы большинство этих фильмов, я понял, что мое воображение оказалось лучшим режиссером, чем те, кто их снимал.

Да, ужасное притягивает. Оно притягивает не только нас, больных ублюдков, сочиняющих и читающих больные истории; оно притягивает самых что ни на есть добропорядочных людей, тех самых, которые косо смотрят на вас, заметив в ваших руках томик Стивена Кинга или даже вот этот самый. В старину законопослушных граждан, регулярно собиравшихся поглазеть на казни, было куда больше, чем душегубов, которых на радость им четвертовали на площадях; а еще раньше были гладиаторские бои; и сегодня кровавая авария или жестокая драка привлекут куда больше зрителей, чем выступление уличных музыкантов, даже если среди них будет отжигать горячая девчонка.

Человечество как вид одержимо насилием и смертью.

Это плохо, п'нятненько?

Еще хуже — душить из ревности свою жену. Даже если она действительно вам неверна. Но некто Шекспир сделал из этого великую пьесу. И даже не пытайтесь спорить, ссылаясь на литературное мастерство Вильяма нашего и глубину затронутых проблем, будто бы стоящих на первом месте; если бы свирепый мавр, в последний момент опомнившись, заключил Дездемону в объятия, вместо того чтоб вытрясти из нее душу, стали бы

мы перечитывать и пересматривать эту историю? Только честно.

Иными словами: насилие и жестокость — точно такой же материал для творчества, как любовь и война. Мы не можем искоренить демонов, но можем приручить и поставить на службу искусству... На худой конец — нашему развлечению. Заточить в бумаге и целлулоиде, чтобы любоваться с безопасного расстояния, кривясь от омерзения, дивясь и ужасаясь.

А некоторыми и восхищаясь. В конце концов, все любят монстров. В том числе и за то, что они так не похожи на нас, грешных. Президент Трумэн стер с лица земли два японских города? Чудовище! Годзилла спалил вообще половину Японии? Красавчик! Вполне нормально восхищаться грациозным тигром или могучим львом, даже если они не отказались бы нами при случае закусить. Или доведенным до ручки величественным слоном... Восхищаться серийным убийцей, скажем Чикатило, уже ни фига НЕ нормально, но кто не восхищался доктором Лектером, пусть первый бросит в меня камень. Наверное, потому, что Ганнибал-Каннибал кажется скорее сверхъестественным существом или породистым зверем, нежели моральным уродом вроде Чикатило. (А еще его не существует, следовательно, не существует и его жертв.)

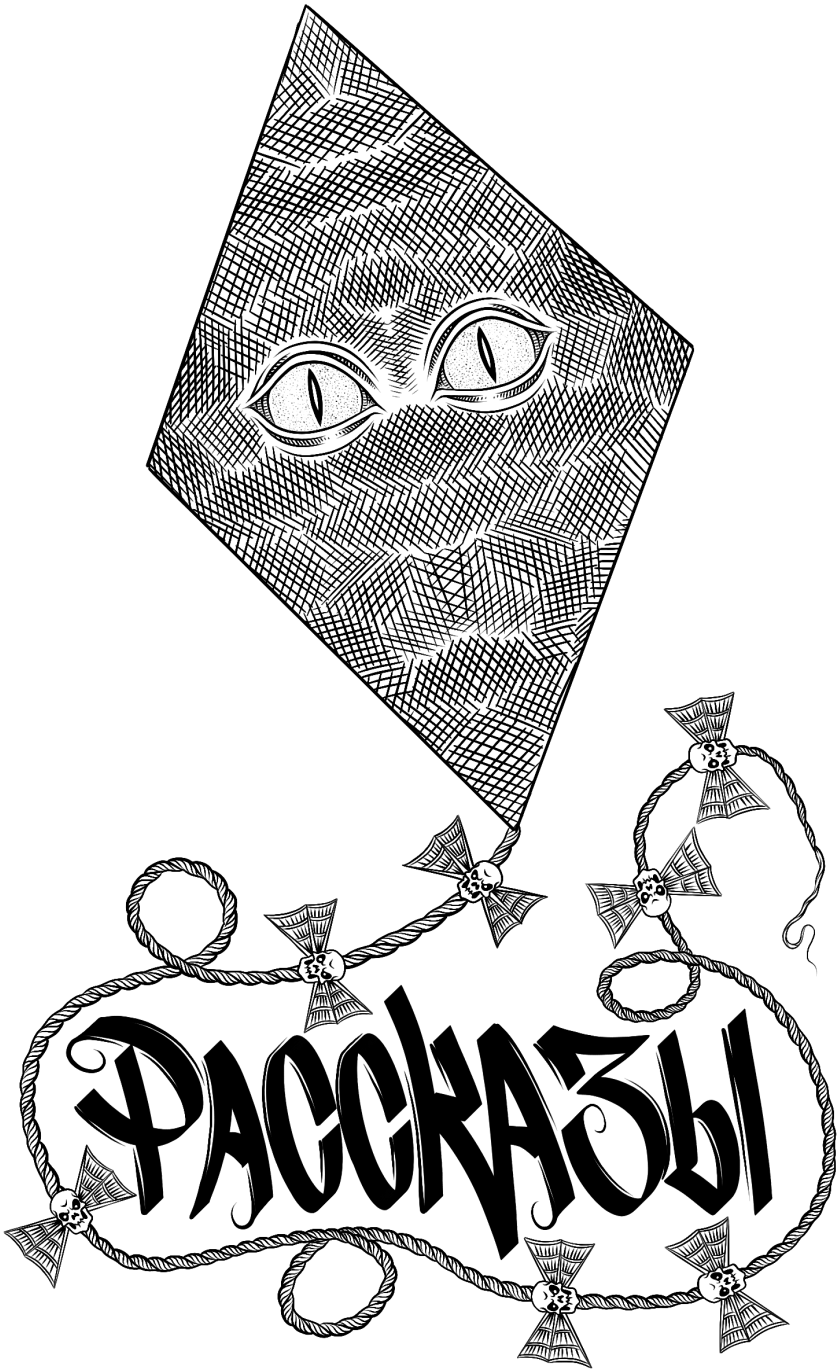
Но вот кто из них внушает вам больший ужас?

В этой книге вас ждут и сверхъестественные сущности, и моральные уроды. Только не ждите шекспировской глубины. Это скорее гиньоль. Такой театр во Франции, в котором давались представления, полные кошмаров и зверств. Не самое изысканное зрелище, так что если вы поклонник утонченного ужаса, сокрытого в едва уловимых

полунамеках, вам точно не сюда. Эти истории писал товарищ, который в детстве смотрел «Карнозавра», читал криминальную хронику и аляповатые книжки девяностых, лучшим мультфильмом в мире считает «Тяжелый металл», а лучшей экранизацией Стивена Кинга — «Кладбище домашних животных» (1989 года, не пугайтесь). Не все из этих историй можно назвать чистокровным хоррором, но во всех полно крови, секса и старого доброго ультранасилия.

Если вы просто убьете за чтением пару часов и потом не испытаете сожаления, этот товарищ будет вполне удовлетворен. А если увидите в них нечто большее — доволен, как...

Ну, скажем, слон.

РАССКАЗЫ

Догоняй!

Воздушный змей появляется у разрушенной хибары в томный июльский день — один из тех нестерпимо жарких часов, когда все живое ищет укрытия в прохладной тени. Все живое, кроме детей — этих не страшат ни зной, ни стужа, ни смерть.

И мальчишка, решивший исследовать развалины, не боится ни того, ни другого, ни третьего, разве что темноты — немножечко. Но темноте в этот день нет места, солнечные лучи пронизывают даже сумрачное нутро заброшенной халупы сквозь дыры в прогнившей кровле, в серебристых столбах света танцуют искрящиеся пылинки. От затхлости противно щекочет в носу, а среди гниющего тряпья и битых бутылок нет-нет да и попадется подсохшая желто-коричневая кучка, в которую так гадко вляпаться ногой в сандалике. Сокровищ и привидений не завезли, одна ан-ти-са-ни-та-рия.

Но когда мальчик, разочарованный, выходит из развалюхи, сокровище уже ждет его.

Приставив ладошку козырьком ко лбу, мальчик разглядывает свою находку. Змей лениво колышется над землей, почти метя длинным веревочным хвостом выгоревшую на солнце траву, словно приглашая схватить его. На первый взгляд нет в нем ничего примечательного — просто сужающийся книзу ромб с длинным хвостом-бечевкой.

Кроме глаз.

Они живые, эти огромные глаза, будто и не нарисованы на плотной цветной бумаге, они смотрят в самую душу, бередя в ней что-то потаенное, запретное...

Вчера мальчик справил свой седьмой — последний — день рождения, и ему кажется, что это запоздалый подарок, которого он всегда ждал.

Мальчик протягивает к бечевке дрожащую руку, но налетевший невесть откуда ветер подхватывает змея и несет прочь. Со смехом мальчик бросается вдогонку.

Он бежит через поле, не видя ничего, кроме чудесного летуна, который никак не хочет даваться в руки, словно живой. Стоит протянуть к нему руку, как он отлетает в сторону, дразня, насмехаясь: попробуй догони!

Еще немного, и мальчик схватит добычу за хвост, совсем чуть-чуть... Но раньше его нога наступит на крышку заброшенного колодца, затянутую мхом и поросшую муравой. В колодце давно не осталось ни воды, ни лягушек; их сожрали новые хозяева — серые крысы, источившие стены дырами. Прогнившее дерево с треском лопается, острые щепки, разодрав ткань шорт, впиваются мальчику в бедра и пах, словно пытаясь удержать его от падения в черный провал — тщетно. Он летит вниз, взметнув руки в последней попытке ухватиться хоть за что-нибудь, и будто в насмешку змей позволяет ему поймать бечеву. А потом череп мальчика разбивается о каменное дно, и гулкая полость эхом разносит предсмертный крик. Прежде чем разжаться, пальцы умирающего ребенка в последней конвульсии стискивают бечеву... И нарисованные глаза змея расширяются — да-да, распахиваются, словно в безумном восторге. Словно и не нарисованные вовсе.